

ЛИНГВИСТИКА

О.И. Блинова

Томский государственный университет

Внутренняя форма слова как средство создания комического эффекта

Звучанием корней живут слова.

Иоганн Гете. Фауст.

Внутренняя форма слова (ВФС) как научное понятие являет собой один из самых сложных феноменов современной лингвистики и лингвистики прошлого. К феномену ВФС проявляли интерес философы, логики и психологи. Попытки определить ВФС делали ученые разных лингвистических направлений: специалисты по общему языкознанию и этимологии, ономазиологии и словообразованию, лексикологии и стилистике.

Академик А.А. Потебня, родоначальник понятия ВФС, развивая идею В. Гумбольдта о внутренней форме языка, на страницах своих сочинений оставил результаты мучительных поисков и попыток определить сущность феномена ВФС, используя разные подходы, что породило разные интерпретации потебнианского взгляда на этот феномен. В одной из таких интерпретаций, предложенных В.В. Бибихиным в его книге «Слово и событие» (раздел «В поисках сути слова»), высказывания А.А. Потебни о ВФС названы удивительными, загадочными. Исследователь приходит к выводу: «Настойчивые попытки разобраться в клубке мысль-вещь-слово-язык достойны того, чтобы упорство проявляли и мы. Пока до этого далеко» [Бибихин, 2001, с. 91].

Попытка, предпринятая автором статьи, разобраться в теории ВФС А.А. Потебни [Блинова, 1995] привела к следующему итогу. Его труды отражают диахронный подход к определению ВФС, ономазиологический и семасиологический аспекты в ее трактовке и два взгляда на природу ВФС: первый – связан с характеристикой ВФС как латерального, идеального (психического) компонента слова, как признака, образа, легшего в основу наименования (ближайшее этимологическое значение слова), «*tertium comparationis* в слове» [Потебня, 1958, с. 17, 47], второй – с представлением о ВФС как билатеральном, материально-идеальном его компоненте, что следует из анализа ученым ВФ ряда слов: стол, туча, радуга, дождь. «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, – отмечает А.А. Потебня, – всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [Потебня, 1956, с. 120]. И слово, и корень билатеральны, значит, и ВФС, которую А.А. Потебня соотносил только с корневой частью слова, так же билатеральна [Блинова, 1995, с. 114-115].

Учение А.А. Потебни о ВФС нашло значительное число последователей. В их числе В.Г. Гак, В.В. Иванов, А.И. Федоров.

Академик В.В. Виноградов, анализируя труды В. Гумбольдта, Г. Штейнталя, А.А. Потебни, А. Марти, Ф. де Сосюра, Э. Сепира, Ш. Балли, М.М. Покровского и др., связал концепцию ВФС с понятием мотивированности, толкуемой в лексикологическом ключе: «Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элемен-

тами языковой системы» (курсив мой – О.Б.) [Виноградов, 1947, с. 17]. В данном высказывании мотивированность лексической единицы обусловлена тремя факторами: 1) фактором ее структуры («строя»), 2) фактором системы, системных отношений и 3) фактором языкового сознания. [Там же], что нашло свое отражение в одном из ранних определений мотивированности слова автором статьи: «МОТИВИРОВАННОСТЬ – это структурно-семантическое свойство слова, позволяющего осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [Блинова, 1976, с. 6-7; 1984, с. 15-16].

Обращаясь к анализу трактовок ВФС его предшественниками, В.В. Виноградов акцентирует внимание на таких ее определениях как «способ представления значения в слове», «способ соединения мысли со звуком». «Внутренние формы, – пишет он, – потому и называются внутренними, что они <...> формы смысла, как он передается или изображается» (курсив мой – О.Б.) [Там же, с. 17, 18]. Вслед за А.А. Потебней, А. Марти, В. Виноградов подчеркивает суперсегментный характер ВФС, которая «ни в коем случае не совпадает со значением слова» [Там же].

Концепция ВФС В.В. Виноградова с характерным для нее синхронным подходом, семасиологическим аспектом анализа, с обусловленностью ВФС ее мотивированностью предопределила толкование ВФС как способа (средства) выражения его мотивированности: лексической (результат мотивации морфо-семантической и лексико-семантической структурой) [Блинова, 1975, с. 7; 1984, с. 26], иначе говоря, ВФС – это морфо-семантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения [Блинова, 2005, с. 16].

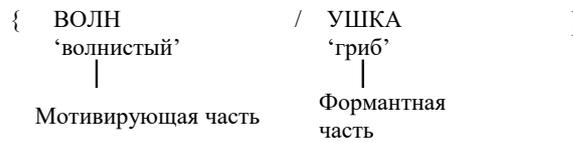
Мысль о двойной соотнесенности слова в системе языка: с однокоренной (волнушка ← волнистый, серебристый ← серебро) и с одноструктурной (волнушка ↔ свинушка, чернушка, серебристый ↔ золотистый) лексическими единицами (Ф. де Соссюр, Ш. Балли, Н. Крушевский, К.А. Левковская, М. Докулил, Н.В. Гяч и В.М. Павлова, М.Н. Янценецкая и др.), позволила подтвердить двучастный характер ВФС, соотнесенность ее как с корневой (мотивирующая часть ВФС), так и с аффиксальной (формантная часть ВФС) морфемами; интерпретация ВФС как билатерального, материально-идеального компонента структуры слова, характеризующегося суперсегментностью, послужила основой для выделения мотивационной формы (значимых сегментов слова, обусловленных его мотивированностью), которая находится в отношении наложения с фонетической формой слова, и мотивационного значения ВФС, который структурирует лексическое значение слова (подробнее в [Блинова, 1984, с. 19-27]).

Схема структуры ВФС*:

		Фонетическая форма	ВОЛНУШКА
		Мотивационная форма	ВОЛН/УШКА
ВФС	— [Мотивационное значение	‘гриб <c> волнистой <шляпкой>’
	—]	Лексическое значение	‘съедобный гриб с шерстистым краем шляпки’

Структура ВФС в «вертикальном» срезе*^{*}:

* Знак / отделяет значимые сегменты мотивационной формы (МФ), знак <...> выделяет смысловые сегменты толкования мотивационного значения (МЗ), не выраженные МФ.

Имеющаяся литература о ВФС отражает полярно противоположные точки зрения на ее функции. Одни исследователи полагают, что ВФС не значима в процессе функционирования слова, что она не осознается в акте коммуникации (Е.М. Галкина-Федорук, В.А. Звегинцев, М. Докулил, Б.А. Серебрянников), другие – считают ВФС функционально значимой (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, В.Г. Гак, Н.Г. Комлев, Д.Н. Шмелев, Л.Г. Хижняк, А.И. Федоров, Н.И. Мигирова, В.Н. Телля, Е.А. Земская, М.Н. Яценецкая, Н.Д. Голев, Е.А. Юрина и др.), обращают внимание на различные функции ВФС, из чего складывается представление о ее полифункциональности. Так, отмечены следующие функции ВФС: гносеологическая, экспрессивная, оценочная, поэтическая, культурно-историческая [Виноградов, 1977, с. 18], ассоциативно-образная, дифференцирующая, регулирующая, коммуникативная, коннотативная, номинативная, репрезентативная, системообразующая, стабилизирующая, типологизирующая, экспрессивно-эстетическая [Блинова, 2005, с. 18-21], структурирующая, связующая, суггестивная [Голев, 1989, с. 66, 72; 1998] и др. Осуществлена попытка создания типологии функций ВФС с учетом базовых функций языка [Блинова, 1995, с. 119-122]. Определены и систематизированы стилистические приемы, связанные с ВФС: кроме ранее известного приема оживления ВФС, выявлены: прием инотолкования ВФС, прием наделения слова ВФ, прием наделения слова дополнительной ВФ, наделения слова иной ВФ, прием квазиремотивации [Блинова, 2003, с. 19; 2005, с. 21-23]. Последние два приема служат созданию посредством ВФС комического эффекта. Рассмотрим их.

1. Наделение слова иной ВФ. Прием связан с преобразованием звуковой оболочки узуального слова, ведущим к изменению значения и/или коннотации и обретению иной ВФ. Комический эффект, выраженный ВФС, варьируется от легкой иронии до сарказма.

Рассмотрим один из таких примеров реализации приема, исходя из текста статьи «Кросс... за кроссовками» («Комсомольская правда», 1984 г., 25 декабря, с. 4), в которой говорится об остром дефиците спортивной обуви: «В одном магазине название этого самого товара выглядело так: «Красовки». От слова «красота», объяснила продавщица. Действительно, – иронизирует далее корреспондент Е. Островская, – красота да и только. Неотъемлемая часть фирменно-престижного антуража. Носится с джинсами. С юбками. С платьицами в оборочках. Даже ... с фатой».

Слово кроссовки с исконной ВФ (МФ: КРОСС/ОВКИ; МЗ: 'кроссовые туфли') благодаря новой мотивации видоизменила свою звукобуквенную форму – красовки, а так же одновременно ВФ (МФ: КРАС/ОВКИ; МЗ: '<кроссовые> туфли', <и это> красиво') и оценочную коннотацию. Лексическое значение слова осталось прежним. В других случаях наделение слова иной ВФ, создание комического эффекта сопровождается видоизменением и лексического значения: АИФОРИЗМЫ – афоризмы-каламбуры, опубликованные в еженедельнике «Аргументы и факты» (АиФ); ЗРЯ/ПЛАТА – ироническое название заработной платы, начисленной не по заслугам; ПРИХВАТ/ИЗАЦИЯ – неодобрительное название приватиза-

** В последующем изложении наиболее задействованными, кроме термина ВФС, являются термины, связанные с компонентами структуры ВФС.

пии, проведенной с нарушением правил, ДЕРЬМО/КРАТ – презрительное наименование демократа [Блинова, 1995, с. 19].

2. Квазиремотивация – прием заключающийся в контрастном переосмыслении узуальной лексической единицы, ведущем к образованию окказионального слова с иным значением и иной ВФ; используется как средство создания комического эффекта, пародии, речевой игры [Блинова, 2005, с. 22]. Большое количество квазиремотиватов (около 500) помещено в «Этимологическом словаре» Б. Нормана [Нарман, 1987, с. 207-221]: баранка → БАРАН/КА ‘овца’, левша → ЛЕВ/ША ‘самка льва’, марихуана → МАРИ/ХУАНА ‘Ванина Маша’, несущка → НЕС/УШКА ‘женщина с авоськой’, неваляшка → НЕ/ВАЛЯ/ШКА ‘трезвенник’, ошалеть → О/ШАЛЬ/ЕТЬ ‘купить в магазине пуховый платок’, примочки → ПРИ/МОЧ/КИ ‘клипсы’, рогатка → РОГАТ/КА ‘корова’, ряженка → РЯЖЕН/КА ‘модница, пижонка’, целовальник → ЦЕЛОВА/ЛЬНИК ‘дон-жуан, повеса’, чушка → ЧУШ/КА ‘маленькая глупость’ и под.

Составитель словаря называет ряд аспектов, которые могут заинтересовать филологов: «принципы создания комического эффекта, способы шутового толкования слов <...>, используемая в словаре система помет и отсылок», носящих «явно пародийный характер» [Там же, с. 206], с чем нельзя не согласиться. Обстоятельное исследование принципов, механизмов, моделей квазиремотивации в создании комического эффекта осуществлено Т.А. Гридиной в рамках теории речевой игры [Гридина, 1996а; 1996б] с использованием разработанной ею терминологии и привлечением терминов мотивологии и дериватологии («псевдомотивация», «псевдомотиват», «псевдомотиватор», «игрема», «реинтерпретация содержания слова на основе мотивационного значения», «ассоциативная интеграция (имитация, наложение, отождествление)» и др.) [Гридина, 1996а, с. 10-62; 1996б, с. 16-22 и др.].

Механизм реализации приема квазиремотивации укладывается в схему: исходное узуальное слово (мотивированное или немотивированное), например дворянка ‘женщина дворянского сословия’, → вычленение в звуковой оболочке / графеме исходного слова смысловых сегментов посредством привлечения созвучных лексических единиц, например дворяжка, двор, дворовый, собака, лайка, → формирование квазиремотивата – окказионального слова с тем же звучанием, но с новым значением и новой ВФ: дворянка ‘порода дворовых собак’ (МФ: ДВОРЯНКА, МЗ: ‘собака, <живущая во> дворе’).

Прием ремотивации реализуется с опорой на существующие в языке слова – лексические и структурные мотиваторы (ЛМ и СМ), Так, для наделения исходного узуального уха́рь ‘человек бойкий, бесшабашный’ иной ВФ, преобразующей его в квазиремотиват УХ/АРЬ ‘отоларинголог’, роль мотиваторов выполняют Ухо и – лекАРЬ, знахАРЬ, для квазиремотиватов: БОД/ЯГА ‘корова’ – БОДаться и коНЯГА, ГОТОВ/АЛЬНЯ ‘столовая’ – ГОТОВить и спАЛЬНЯ, ПУД/ЕЛЬ ‘16-килограммовая гиря’ – ПУД и гантЕЛЬ.

В развернутом мотивологическом представлении это схема выглядит следующим образом:

ДВОРЯНКА – женщина,
принадлежащая дворянскому

→

ДВОРЯНКА – порода
дворовых собак.

сословию.

Факторы создания комического эффекта – контрастность, неожиданность переосмысления исходного слова, новизна ВФК, противопоставленность всех компонентов квазиремотивации: на уровне исходного и преобразованного слов (женщина – собака), на уровне мотивирующих единиц (дворянский – дворовый, мещанка – лайка), на уровне ВФС (женщина дворянского сословия – порода дворовых собак).

В создании комического эффекта квазиремотиватами в словаре Б. Нормана участвуют и толкования их значений (утконос – охотник, несущий с базара утку, тропики (лит.-вед.) – небольшие образные выражения, художественные приемчики), и введенные шуточные пометы (стенография (нехор.) – надписи на стенах, фаустпатрон (лит.) – Мефистофель, ухарь (мед.-обих.) – отоларинголог, головотяп (ужасн.) и многие другие). Но ведущая роль в выражении комического принадлежит ВФК и ее составляющим, особенно мотивационному значению, передающему основные семы толкования лексической единицы. Причем, в тех случаях, когда составитель «Этимологического словаря» в толковании квазиремотиватов использует мотивирующие слова, например: астрология – раздел ботаники: разведение астр, аэрозоль – мозоль, натертая в самолете, бисквит – выступление на бис, вербовать (бурсак.) – пороть вербой, происходит своеобразное удвоение, повтор семы – в толковании слова и в структуре МЗ, что приводит к выделению мотивировочного или классификационного признака (выжимки – плавки), и как следствие – высвечивание ВФК в целом.

Принимают участие в выражении комического эффекта и другие компоненты ВФК – мотивирующая часть и формантная часть. Например, в окказионализме графин «муж графини» эффект неожиданности как основа комизма возникает не только за счет резкой смены смысловых сфер исходного слова и квазиремотивата (посуда – человек), но и благодаря неожиданной семантике ФЧК – «муж» в то время как обычны такие значения –ИН, -АНИН: «национальность», (грузин, армянин), житель города (горожанин, иркутянин), сословие (дворянин, барин).

3. ВФС как средство создания комического эффекта используется не только в коммуникативной сфере – в речевой игре, но и в сфере эстетической – в языке художественных произведений. Особенно ярко комический эффект ВФС проявляется в так называемых «говорящих» фамилиях персонажей сатирических произведений классиков русской литературы – Н.В. Гоголя (фамилии – характеристики помещиков: Собакевич, Ноздрев, Манилов, Коробочка, Плюшкин), М.Е. Салтыкова-Щедрина (Разуваев, Колупаев, Дерунов, Балалайкин, Подхалимов, Угрюм-Бурчеев), А.П. Чехова, который особенно виртуозно использовал «говорящие» фамилии представителей всех слоев общества царской России. Со страниц Чеховских рассказов перед читателем встают: вице-губернатор Лягавый-Грызлов, старший советник губернского правления Окуркин, контролер банка Перцев, Змеищев, Прошрехин («Праздничная повинность»), генеральша Жеребчикова, граф Дерзай-

* ЛМК – лексический мотиватор квазиремотивата,
СМК – структурный мотиватор квазиремотивата,
ВФК – внутренняя форма квазиремотивата.

Чертовщинов, дворянин Пупкин («Оба лучше»), присяжные поверенные Козьякин и Лаев («Заблудшие»), помещики Гадюкин, Шилохвостов («Не судьба»).

Во многих случаях ВФ фамилий персонажей выполняет две функции: функцию выражения комического и характеризующую функцию, функцию создания галереи образов: непоседливого гимназиста Зудьева («Жалобная книга»), заискивающего молодого человека Ползухина («Дамы»), абсурдного в мыслях и поступках учителя чистописания Ахинева («Клевета»), далекого от гуманности протоиерея Змежалова («Экзамен на чин»), чиновника, лишённого человеческого достоинства, Червякова («Смерть чиновника»), соглашателя, кляузника, не дающего жить односельчанам Унтера Пришибеева («Унтер Пришибеев»), утратившего способность четко воспринимать происходящее Очумелова («Хамелеон»), Обедневшего помещика Замухришина («Симулянты»), девицы Подзатылкиной, «замечательной только тем, что ничем не замечательна» («Перед свадьбой»).

Только за счет изобретательного варьирования мотивирующей и формантной частей ВФ «лошадиных» фамилий – Кобылин, Кобылицын, Кобылятников, Кобылкин, Жеребцов, Жеребчиков, Жеребятников, Жеребкин, Жеребковский и под. (их 39!) – создан искромётный комизм высочайшего накала («Лошадиная фамилия»).

Настоящая статья является лишь началом дальнейшего изучения ВФС как средства создания комического эффекта.

Литература

Бибихин В.В. Слово и событие. М., 2001.

Блинова О.И. Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте // Вопросы сибирской диалектологии. Вып. 2. Омск, 1976.

Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.

Блинова О.И. Внутренняя форма слова и ее функции // Русистика сегодня. М., 1995. № 2.

Блинова О.И. Внутренняя форма слова и фигуры речи // Теоретические и прикладные аспекты филологии: Сб. науч. тр., посвященный 10-летию кафедры русского языка и литературы Ин-та языковой коммуникации Том. политехнического ун-та. Томск, 2003.

Блинова О.И. Русская мотивология. Учеб.-метод. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Томск, 2005.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношений с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 2. Новосибирск, 1998.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (Явление языковой игры): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1996б.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996а.

Норманн Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.

Потебня А.А. Мысль и язык. Извлечения // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков / Сост. В.А. Звегинцев. М., 1956.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М., 1958.